

УРОКИ РЕВОЛЮЦІИ.

Уроць нежданый и кровавый...

Пушкинъ.

Ошибка не бѣда, если она чему нибудь научаетъ; и бѣда не катастрофа, если она таитъ въ себѣ исцѣляющіе уроки.

Революція застала русскихъ людей въ состояніи политической неопытности, непониманія, безъ идеи и безъ воли. Отсюда — всеобщая растерянность и беспомощность; отсюда же та видимость чуть ли не всеобщей національной «безхарактерности» и почти «предательства», которая навсегда останется загадкою для иностранцевъ. Русскіе люди *не разумѣли* происходящаго и *не умѣли* бороться. А революціонеры явились къ нимъ съ той *организаціонной изощренностью*, которая вынашивалась на западѣ вѣками: ибо большевики сочетали организаціонную технику езуитизма и инквизиціи съ политической техникою маккиавеллизма, тайныхъ орденовъ, полицейскаго сыска и западно-европейскаго революціоннаго пролетаріата.

Этой *соціально-организаціонной изощренности мы не могли противопоставить ничего равно-сильнаго и въ тоже время духовно-достойнаго*. Въ этомъ одна изъ самыхъ основныхъ причинъ «успѣха» революціи.

Оставаться въ этомъ состояніи наивнаго неумѣнія мы впредь не можемъ и не смѣемъ. Мы должны привыкнуть *учиться у событій и строиться на ходу* — одни въ кипящемъ котлѣ большевицкаго ига, другіе въ изгнаніи и нищетѣ. Намъ необходимы *реальныя выводы и волевыя рѣшенія*. Иначе мы не спасемъ Россію и не возстановимъ ее.

Вотъ нѣкоторые, основные выводы и уроки.

1. Политика не есть что то такое, что дѣлается кѣмъ то «другимъ» — для насъ и за насъ, безъ нашего участія и безъ нашей отвѣтственности. Рады мы или не рады,—но времена, когда люди *такъ* жили и *такъ* думали, прошли безвозвратно.

Это совсѣмъ не значить, что каждый изъ насъ призванъ постоянно во все вмѣшиваться, кишѣть въ несытомъ честолюбіи, все бранить и самовольно командовать. Но это значить, что каждый изъ насъ призванъ *имѣть свое собственное убѣжденіе въ вопросахъ политическаго добра и зла*; и что каждый изъ насъ обязанъ *вкладывать свою волю въ ходъ государственныхъ событій*: то убѣжденнымъ словомъ, то обдуманымъ молчаніемъ (это иногда труднѣе!); то невозражающимъ повиновеніемъ, то открытымъ, прямымъ неодобреніемъ: то храбрымъ поступкомъ, то организующей инициативой; то грознымъ обличеніемъ, то участіемъ въ тайномъ, патріотическомъ союзѣ.

Мы обязаны разъ навсегда *повернуться волею къ русскимъ событіямъ* и даже въ вынужденномъ бездѣйствіи *всегда копить волевой зарядъ*.

Если бы враги Россіи заранѣе знали, что мы *такъ* живемъ, тогда они навѣрное и не начали бы вовсе революцію: а если бы они ее все-таки начали, то ихъ попытка была бы быстро и радикально прикончена.

2. Задача этого постоянного волевого напряженія не въ томъ, чтобы «добиваться политическаго успѣха для себя» (какъ дѣлаютъ правые и лѣвые каррьеристы), и не въ томъ, чтобы «отстаивать свой классовый интересъ» (какъ учатъ демократы разныхъ толковъ); но въ томъ, чтобы *строить и заряжать центръ національно-патріотической власти*.

Этотъ центръ, оторвавшись отъ нашихъ, заряжающихъ и поддерживающихъ его, волю — становится мнимымъ, безсильнымъ и обреченнымъ. Наоборотъ, вбирая въ себя отовсюду наши волевые лучи, онъ какъ бы накаляется отъ нихъ, и именно благодаря этому становится лученеиспускающимъ политическимъ центромъ страны. Правителю *необходима* воля подчиненныхъ: онъ долженъ чувствовать ее, знать о ней, довѣрять ей, опираться на нее и располагать ею. Тогда только онъ можетъ реально повелѣвать, организовывать и заставлять.

Подданный, не посылающій своего волевого луча правителю — невѣренъ ему, измѣняетъ ему; все равно — изъ лѣни, изъ продажности или по интригѣ. Современный демократически-парламентарный строй съ его партійностью — систематически пріучаетъ гражданъ отзывать свои волевые лучи отъ неправящагося правителя и интриговать противъ него.

Подданный, внушающій правителю ложную иллюзію, будто «весь народъ» или опредѣленные сильныя организаціи поддерживаютъ его — готовить правителю гибель и предасть его; все равно — изъ легкомыслія, изъ лести или ради субсидіи. Именно такъ временщики и льстецы не разъ губили своихъ государей.

Понятно, что первая задача революціонеровъ всегда состоитъ въ томъ, чтобы подорвать довѣріе къ власти: этимъ останавливается посылка волевыхъ лучей; этимъ прерывается въ *человѣческомъ безсознательномъ живомъ дѣйствіи государственной присяги*. Власть изолируется и дни ея оказываются сочтенными.

Если бы русское Императорское Правительство или революціонное «временное правительство» — пребывали въ фокусѣ этихъ волевыхъ лучей, то паденіе ихъ было бы исключено. И понятно, что члены «временнаго правительства», всю жизнь проработавшіе надъ организаціей волевой измѣны Царю, не могли и не умѣли создать новый лучевой фокусъ въ странѣ . . .

3. Волевая поддержка національнаго правительства есть, такимъ образомъ, священная обязанность гражданъ. Эта поддержка требуетъ прежде всего — *организаціи общественнаго мнѣнія* и направленія его въ духѣ *вѣрности, прямоты и энергии*.

Честолюбцы, желающіе захватить власть, стремятся всегда отравить общественное мнѣніе *недовѣріемъ къ правительству и противопоставить власть народу*. При этомъ они стараются сдѣлать это въ формахъ политически- и уголовно-ненаказуемыхъ: насмѣшкой, карриатурой, салонной сплетней, злостной критикой въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, скрытой клеветой. Они приписываютъ правительству — то эгоистическія, классовыя и противогосударственныя намѣренія; то — безнравственныя и свирѣпыя распоряженія; то глупость, бездарность, продажность и даже измѣну. Обычно это сопровождается цѣлой фалангой обидныхъ кличекъ и намековъ, а иногда и «разоблаченій», выдержанныхъ въ «благородномъ» тонѣ.

Бороться со всѣмъ этимъ можно только при двухъ условіяхъ: при наличности *честной, патриотической печати, абсолютно независимой отъ какихъ бы то ни было правительственныхъ субсидій*; и при наличности *кадра честныхъ, незапятнанныхъ и авторитетныхъ политиковъ, ученыхъ и военныхъ*.

крѣпко доверяющихъ другъ другу, поддерживающихъ власть и способныхъ къ энергичнымъ, рѣшительнымъ выступленіямъ.

Внѣ этихъ условій всякая страна захлебнется въ грязи сплетень, продажности, неизбывныхъ интригъ и всеобщаго взаимнаго недовѣрія; и, рано или поздно, окажется во власти тайныхъ революціонныхъ организацій.

Если бы такая лояльная, непродажная и ненаемная печать и такой политическій кадръ поддерживали русское Императорское Правительство за послѣдніе двадцать лѣтъ передъ еврейскою войною, то нынѣшняя революція совсѣмъ не имѣла бы мѣста.

4. Государство держится только *единеніемъ* между властью и народомъ. Кто противопоставляетъ власть — народу, тотъ готовитъ революцію и гражданскую войну. Именно это то и дѣлали всѣ революціонныя и демократическія партіи въ Россіи.

Вся работа ихъ возбуждала, разъединяла и натравливала: классъ на классъ, невоенныхъ на армію, нечиновниковъ на чиновниковъ, обывателя на полицію и весь народъ на правительство. Онѣ учили народъ недоувѣрять никому, кто *имъ* не избранъ и *ему* не угождаетъ; онѣ видѣли все спасеніе въ *выборахъ*, а выборами онѣ углубляли и закрѣпляли классовое и партійное разъединеніе въ странѣ. И все время заранѣе готовили *вторую, новую, революціонную власть* (то «союзъ союзовъ», то «совѣтъ рабочихъ депутатовъ», то «земсоюзъ» и «земгорь») . . .

Этимъ они давно уже начали и повели гражданскую войну на гибель Россіи.

Въ дѣйствительности же власть и народъ должны быть *живымъ единствомъ*. Только въ этомъ спасеніе. Но этого не обеспечиваетъ *никакая* политическая форма *сама по себѣ*: ни «демократическая», ни «деспотическая»: ни республика, ни самодержавіе. Развѣ народъ не обожалъ Цезаря Августа и Наполеона, и не свергалъ, и не убивалъ византійскихъ царей? И сколько республиканскихъ режимовъ въ исторіи разложилось и погибло отъ народныхъ волненій и непрерывнаго штурма власти?

Въ дѣйствительности прочность и сила государства зависятъ отъ трехъ условій: отъ *воли* и *прозорливости правителя*: отъ *религіозной укорененности* народного характера и правосознанія; и отъ *государственнаго смысла* и *энергіи національнаго*

интеллигентнаго кадра. При наличности этихъ условій — самая зыбкая и юшасная политическая форма (федеративная демократическая республика) не легко и не скоро разложитъ страну; при отсутствіи ихъ—самая достойная и художественная форма (монархія чести) быстро разложится и рухнетъ.

Если бы эти три условія были налицо въ Россіи до революціи, то мы не дожили бы до позорнаго ига коммунистовъ.

5. Политическая жизнь есть не только дѣятельность власти для народа, но и *самодѣятельность народа навстрѣчу власти.*

Государственная жизнь совсѣмъ не сводится къ тому, что власть полицейски опекаетъ толпу политическихъ рабовъ или политическихъ лѣнтяевъ (воззрѣніе крайнихъ правыхъ); но она не состоитъ и въ томъ, что массы, возбужденныя жадностью и честолюбіемъ, то и дѣло «избираютъ себѣ» якобы «большинствомъ голосовъ» угодливыхъ приказчиковъ, именуемыхъ «министрами» и «президентами» (практика лѣвыхъ партій).

Въ каждомъ народѣ къ здоровой политической самодѣятельности способно и предрасположено не большинство, а *меньшинство.* Задача власти въ томъ, чтобы находить это меньшинство, увеличивать его численно и вовлекать его въ государственное строительство. Выдѣленіе этого кадра должно идти и сверху (назначеніемъ), и снизу (выборами). Задача этого кадра въ томъ, чтобы организовывать *самодѣятельность* народа навстрѣчу власти и организовывать *служеніе* власти навстрѣчу народу. И еще въ томъ, чтобы воспитывать въ *народѣ* духъ *національнаго консерватизма* и сообщать *власти* духъ *дерзающаго реформаторства.*

Въ Россіи такой кадръ только еще начиналъ слагаться. А широкіе круги интеллигенціи дѣлали какъ разъ обратное: одни раскачивали въ *массѣ* стихію безсмысленнаго и разрушительнаго *дерзанія*; другіе стремились закрѣпить инертный консерватизмъ *власти* и доводили его до *безвольной косности* и *безидейнаго упрямства.*

Вотъ почему русская масса обнаружила въ революціи—пассивность въ добрѣ и активность во злѣ. И вотъ почему предреволюціонная власть была сильна въ обузданіи, а въ творествѣ — нерѣшительна и лишена великихъ замысловъ (П. А. Столыпинъ былъ исключеніемъ).

6. Эпоха смуты и междуцарствія является всегда суровымъ испытаніемъ въ народной жизни. Здѣсь долженъ заговорить

инстинктъ національнаго самосохраненія; онъ долженъ повести народъ къ *самоорганизацији* и къ *борьбѣ на жизнь и на смерть* за возсозданіе единой національной власти. Въ такія эпохи народу необходимъ *пчелиный* инстинктъ самопожертвованія и *муравьиный* инстинктъ совокупнаго дѣйствія. А вождямъ его — *воля, идея и гениальная шпага*.

Изъ двухъ борющихся людей — ближе къ побѣдѣ тотъ, кто борется *безъ оговорокъ и на смерть*, а не тотъ, кто «борется» съ оговорками и съ осторожностью (все это, — конечно, при прочих равныхъ условіяхъ). Одинъ вкладываетъ въ борьбу *все*; другой опасается вложить въ борьбу слишкомъ много. Одинъ твердо предпочелъ смерть — пораженію; другой готовъ въ любой моментъ предпочесть поражение — смерти. Всѣмъ этимъ исходъ борьбы бываетъ уже предрѣшенъ.

Это освѣщаетъ весь ходъ русской революціи.

Императорское Правительство не рѣшилось бороться съ революціей на смерть; и потому пало. Временное правительство было прямымъ воплощеніемъ всякихъ оговорокъ и осторожностей; и потому было сметено. Большевики побѣждали потому, что по разбойничьи лѣзли на смерть, искусно уговаривая противника не бороться на смерть. Смертная борьба бѣлыхъ армій давала имъ побѣду за побѣдой. Бѣлые *не побѣдили* потому, что ни русскія народныя массы, ни русская интеллигенція — *не созрѣла еще для смертной борьбы съ большевиками*. И нынѣ близится день, когда *изжившіе свой зарядъ большевики не будутъ въ состояніи бороться на смерть, а смертная ненависть къ нимъ поведетъ русскаго крестьянина и русскаго бѣлаго патріота къ борьбѣ безоговорочной и безпощадной*.

Мы должны блюсти въ себѣ эту священную готовность.

Старый Политикъ.
